

Любовь

Машкова

ТЕСТ ОБЩЕСТВА НА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

На Государственную премию имени Абая 2020 года выдвинута книга драматургических произведений Розы Мукановой «Сарра», включающая в себя десять пьес, созданных за тридцать лет творческой деятельности писательницы – заслуженного деятеля РК, лауреата престижных отечественных и зарубежных литературных премий, Отличника культуры, профессора Казахского национального университета искусств. В 2011 году по решению Европейского сообщества за заслуги в области литературы она награждена медалью Франса Кафки (Прага).

ЛЕЙЛА. КАЗАХСКАЯ МАДОННА

Премьера первой пьесы Розы Мукановой «Мәңгілік бала бейне» – «Ангел с дьявольским лицом» состоялась на сцене Государственного академического театра драмы им. Мухтара Ауэзова в 1996 году. К тому времени у Розы уже вышел первый сборник ее рассказов «Жарық дүние», и появление молодого талантливоего прозаика отметили Азильхан Нуршаихов, Дулат Исабеков, Сагат Ашимбаев и Калихан Исаков, писавший: «Из прозаиков, молодых и современных, выделили бы Розу Муканову – у нее, на мой взгляд, совершенно нестандартная проза».

Рассказ «Мәңгілік бала бейне» вошел в этот сборник и положил начало той прозе Розы Мукановой, которая отвечает известному пожеланию казахского классика – «так написать о своем ауле, чтоб бегущий в нем ручеек впадал бы в мировой океан», той прозе и драматургии, что позволила Абишу Кекилбаеву позже сказать: «Произведения Розы Мукановой имеют планетарное звучание».

Такой стала история девушки Лейлы из аула с говорящим названием Караул, Лейлы, на лице которой навечно застыло выражение детского ужаса и восторга перед красотой и чудовищностью взметнувшегося в небо гигантского гриба атомного взрыва. Росли у Лейлы руки-ноги, росла и расцветала перед красотой мира и плакала от сострадания к нему ее душа, выплескивавшая свою обиду, любовь и нежность в ночных разговорах с Луной, а тело оставалось десятилетним, и вечной оставалась детская гримаса на ее лице. И лишь это и видели в ней и тетушка Катира, помыкающая девушкой-сиротой, и приехавшая из города комиссия, решившая сделать из нее экспонат для удовлетворения своих карьерных амбиций.

« – Завтра в нашем районе пройдет траурный митинг. Мы бы хотели пронести тебя перед людьми как знак страшных дней, знак угрозы, нависшей над народом. – Меня? На руках?.. Как воплощение зла? О, Боже... Не хочу демонстрировать свое уродство. Пожалуйста, пощадите меня!»

Семнадцать лет с неизменным аншлагом шел на сцене ауэзовского театра поставленный режиссером Булатом Атабаевым спектакль «Ангел с дьявольским лицом». Целые поколения молодежи выросли на его гуманистическом, патриотическом послыле. В 2001 году на студии «Казахфильм» режиссером Сатыбалды Нарымбетовым и сценаристом Акимом Тарази по мотивам рассказа «Мәңгілік бала бейне» был снят фильм «Қыз жылаған» – «Молитва Лейлы», который обошел многие страны мира, отмечен на международных кинофестивалях в Пекине, Венеции, Праге, Риге, показан на российском «Киношоке».

«Зарубежные критики увидели в Лейле образ казахской Мадонны, продолжающей Жизнь на Земле вопреки злу, искорежившему плоть человеческую и земную», – говорил в одном из интервью Сатыбалды Нарымбетов.

И вечно живет плач-молитва Лейлы о родной земле:

«Какой благодати преисполнена была эта земля... Не на той ли земле, по которой когда-то ступал наш прадед Абай, случаются все эти неслыханные, невиданные беды? Да вернется к ней божье благословение!»

В 2016 году, двадцать лет спустя после первой премьеры, пьеса «Мәңгілік бала бейне» была поставлена в кукольном театре в Нур-Султане.

В нашей беседе о ее драматургии Роза Кажыгалымовна рассказывает:

– Я сначала не соглашалась на эту постановку, ведь есть специфика детского театра, а это трагедия, которую тяжело пережить, понять. Но, оказывается, дети 8–14 лет уже все знают о Семипалатинском полигоне: как они чутко реагировали, как они плакали вместе с Лейлой, как все через себя пропустили, какие вопросы задавали... Подростки, молодежь на самом деле глубоко все понимают и анализируют по-другому, чем даже сам автор.

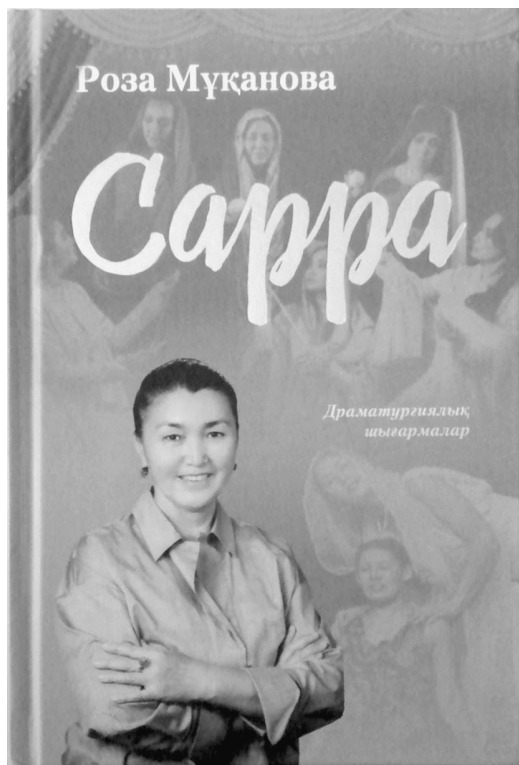
В прошлом году молодая художница защитила дипломную работу – гобелен «Лейла и Луна». Молодые поэты посвящают Лейле свои стихи. Назира Бердалы говорит, что впервые увидела в театре Лейлу в 18 лет и написала стихотворение, а теперь посвятила ей книгу. Значит, Лейла продолжает жить в людских сердцах...

ФАРИЗА И ДРУГИЕ

В книгу «Сарра» кроме одноименной вошли также пьесы «Муза», «Мысықтар патшалығы», «Шатыр астындағы Мен», «Ешкім де кінәлі емес», «Фариза» и другие, и о каждой из них можно писать отдельную статью: и о гротесковом «Кошачьем царстве», получившем Гран-при Министерства культуры и общественного согласия, и о драме «Шатыр астындағы Мен» – «Под зонтом – Я» – о судьбе художника Сергея Калмыкова, и о лирико-комедийной «Музе». Но мы поговорим о пьесах последних лет.

Роза Муканова год за годом создает свой особый психологический театр, в основе которого – разножанровая драматургия: трагедии, комедии, драмы, фантазмагории, гротески, пьесы абсурда, но чаще она работает на стыке и смешении их. И объясняя свою приверженность психологизму в литературе, говорит, что была бы не против, чтобы ее называли ученицей Цвейга, новеллы которого в студенчестве знала наизусть. А из казахских классиков выделяет для себя Абая, Магжана Жумабаева и Мухтара Ауэзова.

В ее психологическом, авангардном театре много смелого эксперимента, многовариантны прочтения действий и рефлексий ее героев, и потому в нем такой простор для режиссерских и актерских поисков. Пьеса «Фариза» – не исключение. Потому такой неожиданной, спорной и успешной стала осенью прошлого года ее постановка в Алматы в ауэзовском театре. Одновременно премьера так же с аншлагом и большим успехом прошла на казахском языке (с

синхронным переводом) в Москве в театре «Современник». Как это у Розы нередко бывает, пьесе предшествовало эссе «Фариза», в котором она словно подбиралась к теме и которое было опубликовано еще при жизни народного поэта и благо-склонно ею принято.

Природа творчества, искусства, взаимоотношения талантов, их взаимовлияние и взаимоотталкивание – одна из любимых тем Розы Мукановой в ее психологических изысканиях, погружениях, взвихрениях, порой тревожных, всегда глубоких, часто неожиданных. Что немудрено: тридцать лет она творчески восходит под одним шаныраком с Акимом Уртаевичем Тарази – учителем-мугалимом, отцом двух их детей, родной душой и alter ego: родной душой, но во многом противоположной. Роза делится: «Я говорю Акиму Уртаевичу: “А ведь это Вы меня воспитали”. И жду, что

он скажет. А он говорит: “А ты меня перевоспитала”. Это с его стороны комплимент, конечно. Но для меня, действительно, это школа жизни, духовное и творческое формирование».

Еще в раннем рассказе «Ты сам», посвященном Акиму Тарази, который мне довелось переводить, ставшем прообразом будущей пьесы «Под зонтом – Я», при внешнем легко прочитываемом контексте жизни алма-атинского художника-авангардиста, суть творческих споров, диалогов отсылает нас и к растиражированным фразам Калмыкова, и к известным высказываниям Тарази, естественно, интерпретированным «под себя» Розой Мукановой. «Я вижу иные миры», — говорит Калмыков, и спустя десятилетия Тарази со своим Або в вещем романе «Возмездие» семимильными шагами одолевает Млечный Путь!

«Моим пером водит душа, – признавалась Роза в интервью коллеге по цеху писателю Геннадии Дорониной. И объясняла свой творческий метод: – Наверное, правильное будет сказать, что я ищу не сюжеты, а персонажей... С этого все начинается... Мне нужны персонажи яркие, каких ни у кого нет... Стоит ему только появиться в моем воображении, как я начинаю исследовать его мир – и тут важна каждая мелочь. Если будет выпукло выписан герой, остальные персонажи, то к ним обязательно приложится и хороший сюжет. Мои персонажи несут в себе и частичку меня; нередко все то, что с ними случается, я примеряю на себя... Это помогает писателю, но требует большого душевного напряжения...»

Казалось бы, в центре конфликта пьесы «Фариза» существовавшие ли, придуманные ли взаимоотношения Фаризы и Мукагали. Похоже, в жизни они, кроме обмена случайными репликами, так никогда хорошо и не поговорили, хотя Мукагали посвящал Фаризе стихи, звал ее в больницу на смертном одре. Но существующая между ними творческая связь, наполнявшая тревогой и взаимоприятием их поэзию при жизни, создает электрическое поле и в пространстве пьесы, где, в общем-то, идет извечное выяснение отношений художника самого с собою – и Фаризы, и Мукагали – и с Поэзией, вечным духом и бессмертной душой их.

Роза Муканова мудро замечает в эссе «Фариза»:

«Великим бывает дано почувствовать, понять друг друга с полуслова, у них общая природа дара. Притяжение их друг к другу необъяснимо, но, видимо, закономерно, как живущих в системе сообщающегося кровотока. Не знаю, какие чувства испытывала Фариза, когда умер Мукагали, но правда в том, что когда случается смерть истинного таланта, оставшиеся ощущают брешь в собственной душе, в собственной судьбе, страдая и оплакивая уход человека далекого, как самого родного и близкого».

АПА АСЫЛ. НИКТО НЕ ВИНОВАТ

Среди штучных (каждая на особинку, в каждой свое золотое или жемчужное зерно) пьес Розы Мукановой «Ешкім де кінәлі емес» – «Никто не виноват», может быть, самая тяжелая, хоть и обозначена автором как трагикомедия. Размышляя о сути своих творческих и человеческих отношений с Акимом Уртаевичем, Роза призналась: «Может, это любовь, может, больше, чем любовь. Вот мне надо с утра убегать каждый день по делам, а мне больше всего хочется сесть рядом с ним и с утра до вечера говорить, хочется просто на него долго смотреть, чтобы никогда не потерять этого человека. Чтобы в глазах остался. Это святой человек. Иногда я говорю Акиму Уртаевичу: “Ты счастливый человек, потому что я рядом с тобой, и я все понимаю. Но думаю: я тоже буду старая, и кто будет меня поддерживать, как я тебя поддерживала, берегла?”. А он меня успокаивает: “У тебя дети хорошие, как ты за мной ухаживала, так и они за тобой будут”».

И вот из этой любви, из этой тревоги, заботы, из этой виноватости и родилась, должно быть, пьеса Розы Мукановой «Никто не виноват». А еще из желания предостеречь: мы все будем старыми, это закон природы, в этом никто не виноват, давайте же будем бережливее, тоньше, внимательнее к старости наших родных. И конфликт пьесы изначальный завязывается как раз между драматургом и директором театра, который слышать не хочет о печальном доме презрения на краю города, о котором драматург написал пьесу. Ставить он ее не хочет! Кому нужна чужая боль?! Зрителя надо развлекать!

И Роза переводит мне кусочек из пьесы, диалог между матерью с ее рассеянным сознанием и ухаживающей за ней дочерью:

« – О чём вы плачете, апа?

– Дочь дала мне пощечину, а я ли ее не растила, не холила, не берегла?

– Мама, как Вы можете, ведь Вы же моя любимая, моя святая, моя драгоценная мамочка, могла ли я поднять на Вас руку?! (плачет).

Через минуту:

– О чем ты плачешь, айналайын?

– Мама говорит, что я ее ударила.

– Ты?! Да ты же моя любимая доченька, самая нежная, самая чуткая, единственная, что и мухи не обидит. Что ты такое говоришь?!»

Абсурд да и только.

Спектакль по пьесе «Ешкім де кінәлі емес», поставленный Карагандинским областным казахским драматическим театром им. С. Сейфуллина, был показан в 2018 году в Нур-Султане в рамках Международного театрального фестиваля «Самгау», на котором взял первое место.

Вот что говорит председатель жюри фестиваля, доктор искусствоведения из Санкт-Петербурга, профессор ГИТИСа Нина Шалимова, рассматривающая его в контексте современного российского и западного театра:

– Создать драму в жанре абсурда – это очень смелый и опасный драматургический ход, поскольку здесь очень легко сбиться на подражание европейскому абсурду, чрезвычайно рационалистичному, жестокому и жёсткому. Причем со зрителем какие отношения? Если ты это понимаешь и принимаешь, ты молодец. А если не хочешь принимать, то ты «отстой». Такая селекция идет и в российском театре. Замечательный драматург Роза Муканова, ставшая для меня открытием, избегла всех этих опасностей, не сбилась на патологию и смакование жестокости. Более того, она предложила нам абсурд, я бы сказала, глубоко казахский, который не имеет этого интеллектуального высокомерия, но оказывается глубоко сердечным, произрастающим из глубины человеческого сердца. И Роза Муканова убеждает в правомерности этого направления в казахском театральном искусстве.

Высокохудожественным спектакль, по мнению критика, делает высококлассная режиссура Бек-Мухаммеда Киекбаева, проявившего глубокое чувство авторской индивидуальности, зерна пьесы, ее замысла и художественной логики.

– Призыв спектакля – *никто никогда не постареет* – достает до самой глубины души. И достает благодаря, в первую очередь, актрисе Зайтовой, тайне ее искусства, – акцентирует критик. – Место действия – дом скорби. Пространство действия – психика человека, выпавшего из социума. У нас таких людей называют «овощ». Что такое страдающий «овощ»? И что такое отказ от вычеркивания человека из человеческого сообщества через раскрытие невероятно богатого его внутреннего мира? Причем актриса очень точна, я бы сказала, суха в создании внутреннего рисунка роли: то таинственная полуулыбка, прямо как египетский сфинкс, то неожиданно одухотворенная надменность, то тревожные вопрошания, то отказ от общения, то стремление понять, – вот многочисленные извивы внутренней жизни этой женщины. Глаз нельзя оторвать. Так вот что сделала актриса? Да ничего. Взяла сердце зрителя, подержала и отпустила.

Нина Алексеевна отмечает остроумную и убедительную сценографию спектакля: гибкая материя занавеса и той дорожки, по которой проходит свой путь, путь в свою психику, в свое подсознание Апа. И этот занавес, и эта детская пелёнка, которая превращается в саван – это очень многозначный образ. Такая простая мизансцена: закутали социально опасную бабушку в саван. И нет для дочери другого способа оказаться в ее внутреннем мире, как самой закутаться в него же. Заживо погresti себя вместе с матерью: не можешь ничего сделать, то хотя бы страдай вместе!

«Простая, точная, глубоко человечная и верная драматургическая мысль, – итожит Н. А. Шалимова, заключая: – Происходящее – это, конечно, то, к чему Всевышний может привести, как к такому последнему испытанию. Сцена с дочерью чрезвычайно драматична, потому что эта коллизия не имеет решения, потому что есть в этой жизни что-то, с чем человек справиться не может. И не может найти достойного выхода. И никто не виновен. И здесь в спектакле возникает дыхание подлинно античной трагедии. Бесстрашное и мужественное решение драматургом проблемы человечности, и пафос человечности, пронизывающий спектакль, делает его очень важным событием в казахском театре».

САРРА. МАТЕРЬ ПРОРОКОВ

Четвертый год в репертуаре Государственного академического казахского музыкально-драматического театра им. Куанышпаева в Нур-Султане с аншлагом идет спектакль по пьесе Розы Мукановой «Сарра», поставленный режиссером Гульсиной Миргалиевой. Судя по тому, что название этой пьесы стало и названием сборника драматургических произведений, выдвинутого на соискание Государственной премии РК, драма «Сарра» занимает особое место в ее творчестве.

О Сарре, жене патриарха Авраама, матери богоизбранного народа, повествует Библия. А как трактует ее жизнь исламская религиозная традиция? И как этот сюжет появился в творчестве драматурга, какое развитие находит в ее пьесе? Вокруг этих вопросов и продолжилась наша беседа. Обратимся к ней.

– Сюжеты и их герои порой проходят с тобой через всю жизнь, – рассказывает Роза Кажыгалымовна. – В конце девяностых я закончила перевод на казахский язык книги турецкого писателя восьмого века Рабгузи «Кисса-сул-Энбий-я» – это был первый у нас перевод Книги пророков, включающей жизнеописания 24 святых. И я была поражена историей жизни Сарры, которая из Сары – *госпожи моей*, то есть матери только своего сына, по благословению Господа превращается в Сарру – *госпожу множества*, то есть в мать богоизбранного народа. За этим превращением стояла трагедия женщины, ее тайна, ее самоотверженная любовь к мужу и жертвенность ради продолжения рода. Мне так захотелось написать о ней! Но мне тогда не было и тридцати, и я была не готова к воплощению такого сюжета, я просто не доросла до него. Мне еще самой предстояло и вымалывать ребенка у Аллаха, и ревновать, и учиться смирению, благородству и жертвенности ради своей семьи. И лишь в пятьдесят я решила, что можно мне уже без боязни браться за эту тему. И, наверное, мне удалось как-то приблизить ее в наш век, к переживаниям и чаяниям наших современников. Пьесу хорошо принимают зрители.

– Роза, я посмотрела этот спектакль в видеозаписи, у меня есть синхронный перевод пьесы. И я вижу, что в ней вместе с Саррой и ее помощницей-служанкой Ажар действуют еще Мудрая мать, Благородная мать... получается некая тройственность материнского начала. Чем это обусловлено?

– Как известно, у любимой жены пророка Ибрахима не было детей, а она очень хотела родить сына, продолжателя рода, и сам ее любимый муж коленопреклоненно молил Аллаха послать ему наследника: все у него было, и богатство, и слава, а сына не было. Сарра слышит это и решает осчастливить мужа. Она просит свою служанку Ажар стать матерью наследника и приводит ее к мужу, убеждая в необходимости такого решения. Род пророка должен быть продолжен: *у слепого рождается слепой, у нищего рождается нищий, у пророка рождается пророк.*

Пророк соглашается с ее доводом. Сарра – Благородная женщина, Сарра – Мудрая женщина, но иногда над ней берет верх темное женское начало, разжигаемое сатаной. Видя, как расцветает Ажар, как свет будущего младенца-пророка озаряет ее лик, Сарра – обычная женщина – не находит себе места, ревнует, раздражается, вот откуда эта и двойственность, и тройственность, свойственная роду человеческому. И она даже отправляет Ажар в пустыню, где та мучается в безводье до самых родов. Наконец благополучно рождается пророк Исмаил, проповедник ислама.

– Но ведь у этой истории есть продолжение: за самоотверженное служение мужу Господь посылает Сарре ребенка, и в 103 года она родит сына – пророка Исаака, которого Всевышний, испытывая его отца, велит принести в жертву.

– Здесь я немного изменила: Ибрахим получает от Господа повеление пожертвовать ему сына от Ажар – Исмаила. И пророк готов принести курбандык – пожертвовать долгожданного сына. Но Сарра не может смириться с этим. В решающий момент она подходит к мужу: *«Остановись, пророк, это мой желанный ребенок, это я вымолила его у Аллаха, чтобы продолжился твой род. Если нужна жертва, я пожертвую собой»*. За дитя, за продолжение рода пророка она готова отдать свою жизнь Всевышнему. Это и есть жертвенная, самоотверженная природа женщины, ее Мудрость и ее Благородство.

– Очень сильно прозвучавшая на сцене история, полная многозначных образов и символов, той же вечно прядущейся Женщиной нити судьбы... Роза, а у Вас не возникает желания выйти за рамки драматического театра? Помню, Булат Атабаев хотел поставить по Вашей пьесе «Царство кошек» мюзикл.

– Мне очень хочется, я давно мечтаю, чтобы появился балет о Лейле, и готова написать либретто. Когда мы с коллегами из Казахской академии искусств были на премьере спектакля «Сарра», музыковеды сказали мне, что это будущая опера и по накалу шекспировских страстей, и по музыкальности и поэтичности текста. Ведь «Сарра» написана белым стихом. Я доверяю профессиональному взгляду, и сама вижу здесь оперу. Мы даже смотрели спектакль с известным нашим композитором Сериком Еркимбековым. Он был заинтересован. Когда Нурсултан Абишевич Назарбаев строил свое любимое детище – театр Астана опера, он тоже мечтал, чтобы в нем звучали произведения наших авторов. Теперь дело за исполнением этих благих пожеланий.

– А как так получилось, Роза Кажыгалымовна, что не до написания пьесы «Сарра», а после Вы поехали в хадж в Мекку? Казалось, изначально Вы должны были там черпать вдохновение.

– О-о, это действительно было благословение Аллаха. Говорят же, он все видит. Гонорара от постановки как раз хватило, чтобы поехать с детьми в большой хадж, у них обоих как раз были каникулы. И представьте, нас поселили в отель «Ажар», и до конца выезда, 20 дней, не было никаких трудностей. Обычно хадж – это испытание, многие даже болеют. Но мы были как на ладонях у Сарры и Ажар. И пять раз в день мы с детьми становились на молитву. Согласно истории, для ожидающей ребенка Ажар никак не могли найти воду. Но вот раздался плач младенца, будущего пророка, и появляется источник «Зам-Зам». Мы были там, разделяя страдания Ажар, обегали местность с детьми семь раз, пили священную воду, привезли ее домой, своим близким.

– Но неужели эти новые впечатления никак не отозвались в Вашем творчестве?

– Об этом невозможно было не написать. После приезда я опубликовала большую статью «Мекка – мать городов». Мы были в Арафате, Медине, видели мечеть, которую построил сам пророк Мухаммед, а также мечеть Айши, любимой жены его. В Медине пророк Мухаммед жил 10 лет, там есть сад хурмы Аджуа, который он посадил. И если везде хурма дает плоды один раз в год, то эта хурма плодоносит дважды. В построенной им мечети пророк и похоронен. И с ним самые любимые его ученики, их называют сахаба – это сподвижники пророка Мухаммеда, которые виделись с ним и уверовали в него как в Посланника Аллаха. Один из них – отец Айши, Абу Бакыр-Сыдык, второй – пророк Омар ибн Аль-Хаттаб. В статье я поведала их удивительные и поучительные для современного мира истории жизни. Было очень много звонков, люди говорили: «Мы как будто сами там побывали благодаря вам, так все прочувствовали. Будем готовиться к хаджу». И многие действительно потом съездили. Это такое счастье, когда все свои чувства и мысли ты можешь передать писательским словом.

– «Сарра», как я понимаю, – это одно из первых произведений казахской драматургии на религиозную тематику. Здесь Вы первопроходец, сбывается завет Абая о духовном просвещении народа. Собираетесь ли Вы дальше работать в этом направлении?

– Да, это первое произведение о пророке Ибрахиме и его жене Сарре, раньше ведь подобные темы были под запретом. Я даже переживала, разрешат ли такую постановку, но сейчас нет радикальных запретительных мер. Второе сомнение было: поймут ли наши зрители? Готовы ли они к этому? Но и зрители очень хорошо приняли. Пока не исчезнет человечество, мы будем питаться этими вечными духовными истоками, в них наше моральное здоровье и чистота, к которым призывал великий поэт и просветитель Абай. А работаю я сейчас над другой темой, хотя поездка в Медину тоже дала для нее богатую пищу.

ИССЛЕДОВАТЬ ПРИРОДУ ВЛАСТИ

– И о чем будет Ваша новая пьеса, Роза Кажыгалымовна?

– В Коране есть такие слова пророка Мухаммеда: «Из государственной казны правитель не должен на себя средства тратить, это не его богатство, это деньги простого народа. И тот, кто тратит их на себя, на свои удовольствия, тому место в аду». Так и написано, и это страшно. Для нас долгое время священные книги были недоступны, и мы стали слепыми. Теперь пришло время открывать глаза. Когда на Божьем суде спросят нас, как мы поступали в жизни, тогда будет уже поздно прикрываться своим незнанием. Нам все открыто. И с детства надо воспитывать своих детей, как того требуют священные книги, как все пророки поступали и проповедовали. И самим так поступать. И тем более так должны поступать люди, находящиеся у власти, на виду у всех. Вот об этом мне хочется написать, хочу исследовать природу власти.

– Мне кажется, Вы пытались уже это делать в пьесе «Царство кошек».

– Мне до сих пор нравится эта пьеса, это скорее гротеск, фарс, теперь мне хочется решать эту тему в другой плоскости. В молодости вроде многое понимаешь, но нет практики, нет необходимого мастерства, а когда взрослеешь, смотришь на многие вещи совершенно иначе. Художник должен созреть, серьезные темы сразу не даются. В молодости хочется много писать, все успевать, но художнику нужна зрелость. Думаю, и история правителей пророков Абу Бакыр-Сыдыка и Омара ибн Аль-Хатгаба раньше не так бы запала мне в душу...

– А тут легла на подготовленную почву Ваших раздумий?

– По-видимому, да. И не только моих, она для всех поучительна. Когда пророк Мухаммед умирает, халиф Абу Бакыр-Сыдык продолжает проповедовать ислам в других странах. Заболевая, он в последнем своем слове призывает Омара продолжить начатое дело. Омар отказывается: «Я не могу, ведь тебя называют добрым Абу Бакыром, а меня жестоким Омаром. Вряд ли меня будут слушать». Абу Бакыр возражает: «Ты не жестокий. Но кто-то должен быть добрым, а кто-то жестоким, тогда в стране будет законопослушание». Абу Садык оставляет Омару все свое богатство, но тот, став правителем, продолжает ходить в мечеть в своем старом халате. Однажды возвращаясь из мечети, он видит женщину у костра и плачущего ребенка. Омар велел принести мешок крупы и сам стал варить им кашу. «Какой вы добрый человек, вы как наш Омар, – сказала женщина, – он все раздает людям». Да, люди до сих пор вспоминают, каким он был добрым, как он справедливо поступал, каким священным примером был для народа. Таким должен быть правитель...

– Роза, я знаю, что Вы активно участвовали в событиях восемьдесят шестого года. Вас даже выслали из Алматы домой, в Урджарский район под Семеем, у Вас не было работы. Сегодняшняя независимость страны – это то, о чем Вы мечтали?

– Мы и мечтать о таком не могли – о такой суверенной стране, о такой новой столице, в которой мы живем с Акимом Уртаевичем и детьми уже 17 лет. Здесь мы состоялись как личности, как педагоги, у нас есть сценарная мастерская в Казахском национальном университете искусств, выросли и стали студентами наши дети. Я очень серьезно отношусь к произошедшим под руководством Елбасы Нурсултана Абишевича Назарбаева в стране переменам. Наша семья остро воспринимает и переживает эти перемены. Но мне кажется, мы еще не смогли объяснить людям ценность нашей независимости, необходимость беречь ее и работать на нее. Объяснить, что такое это новое, появившееся тридцать лет назад на карте мира государство, в чем будущность этого государства. Вот при такой широкой амплитуде, на таком уровне мне хочется писать о природе власти и ее ответственности. А начало размышлениям положили книги Касым-Жомарта Кемелевича Токаева «Преодоление» и «Свет и тень» о глобальной мировой политике и становлении нашего государства.

– Когда они вышли, я даже пыталась написать отзыв на эти поразившие меня доступностью языка и глубиной содержания книги. Но вот этой глубине я, к сожалению, не смогла соответствовать.

– И меня эти книги тронули, подумалось, какой счастливый человек может так хорошо писать о политике, дипломатии, в них – история нашего государства, его летопись, написанная с большим знанием реалий, с чутким ощущением времени, знанием и пониманием людей. Мне кажется, каждый правитель – это трагическая личность, будь то современный демократ или средневековый автократ. Счастливых правителей в истории нет, но любой из них хочет осчастливить свой народ, создать цветущее государство. Невозможно же этого не желать! Но, как правило, народ не ценит своих правителей: нет пророка в своем Отечестве. Вот это мне и хочется понять и написать...

Что ж, будем ждать новую пьесу и новый спектакль из лирико-психологического и философского театра Розы Мукановой, не доискиваясь, соответствуют ли его смыслы нашим ожиданиям, а больше озаботясь личным ему соответствием.

Размышляя о роли театра в современном обществе, Нина Шалимова в одной из статей пишет: «Смысл каждого спектакля – в самом спектакле, как смысл жизни – в самой жизни. Любой драматург проверяет нас на некое соответствие: на мудрость, на наличие гражданского темперамента, подобно тому как Чехов – это тест общества на интеллигентность».

Роза Муканова и ее пьесы – это тест казахстанского общества на нравственное здоровье, глубину исторической и личной памяти, на искренность сопереживания – на человеческую зрелость.

